

А. В. Латышев

**АУТЕНТИЧНОСТЬ ДНЕВНИКОВ ГЕНЕРАЛА А. И. ЕРЕМЕНКО
И ИХ СВЯЗЬ С ЕГО МЕМУАРАМИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-134-141

УДК 94(47):930.2 ББК 63.3(2)+63.2(2)

В статье анализируются фронтовые дневники советского военачальника периода Второй мировой войны А. И. Еременко. Ставится цель определить степень аутентичности этого текста и дать его критический обзор как исторического источника. Проводится сравнение полного издания дневника 2013 г. с частичным изданием 1994 г., делается вывод о серьезной разнице между этими текстами, которая только частично объясняется разным подходом публикаторов. Показываются черты недневниковости в форме и стиле текста 2013 г.: наличие нескольких вариантов одной и той же записи, прямые обращения к читателю, использование прошедшего времени, ошибки в датах, явный анахронизм в упоминании боев на Курской дуге. Приводятся доказательства того, что в основе текста всего дневника или его части лежат аутентичные фронтовые записи. Анализируются связи между дневниками и мемуарами Еременко. На примере описания визита И. В. Сталина на фронт показывается, что дневник — лишь одна из семи редакций рассказа, созданных Еременко в разные годы, не являющаяся ни самой точной, ни самой полной из них. На основе данных в дневнике оценок других людей делается вывод о том, что его текст создавался достаточно продолжительное время с начала 1950-х до середины 1960-х гг. Приводятся возможные цели создания автором текста дневника в контексте эпохи оттепели.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, А. И. Еременко, дневник, мемуары, оттепель*

Мемуары советских военачальников редко вызывают интерес у исследователей. Эти тексты ближе к реконструкции, чем к личным свидетельствам, и вместо мыслей описывают перемещения войск, а вместо лично пережитого — признанное важным в сложившемся каноне. Соблюсти требования идеологии помогали консультанты и литературные записчики, становившиеся по меньшей мере соавторами мемуаристов.

Эти обстоятельства заставляют обратить пристальное внимание на фронтовые записи генерала (с 1955 г. — маршала) А. И. Еременко (02(14).10.1892–19.11.1970).¹ Издатели позиционируют их как фронтовой дневник, в котором события максимально близки к времени их фиксации. Однако археографическим описанием или источниковедческим анализом публикация не сопровождалась.

И если в литературе и филологии под дневником могут пониматься очень разные формы письма,² то историкам важно разделять напи-

санные спустя годы мемуары и синхронные событиям дневники. Последние куда достовернее передают мысли и чувства во время описываемых событий. Однако бывает, что весь дневник переписывается задним числом, превращаясь в воспоминания, написанные в форме дневника.³ Часто встречается промежуточный жанр, когда аутентичные записи в дневнике подвергаются позднейшей правке. Сами авторы дневников редко обозначают хронологически разные пласты текста.⁴

Цель данной статьи — определить степень аутентичности дневника Еременко и охарактеризовать его как источник. Для этого необходимо, во-первых, найти и объяснить расхождения в двух вариантах дневника, изданных в разные годы. Затем в полном издании 2013 г. следует найти следы как позднего редактирования, так и его отсутствия. Для этого в нем требовалось определить фактологические ошибки и уникальные данные, несвойственные и характерные для жанра стилистические приемы, характеристики других людей и политические оценки, сбывшиеся и несбывшиеся прогнозы будущего. При этом я исхожу

¹ См.: Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М., 2013.

² См.: Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007. С. 159.

³ См.: Богомолов Н. Писательские дневники XX века: взгляд через четверть столетия // *Autobiografija*. 2019. № 8. С. 90.

⁴ Исключение см.: Дунаевская И. М. От Ленинграда до Кенигсберга. Дневник военной переводчицы (1942–1945). М., 2010.

из концепции так называемого косвенного адресата,⁵ согласно которой даже максимально приватные тексты (написанные «для себя», «в стол»), осознанно или нет, создаются с учетом образа будущего их читателя. Следующая задача — определить время создания дневника, установив его связи с мемуарным наследием Еременко. Для этого мною были изучены все прижизненные публикации Еременко в виде книг и статей, посмертные расширенные издания, тексты и интервью с родственниками маршала. Это позволило выделить наиболее важные для автора события войны, представить хронологию работы над мемуарами, выявить структуру каждого из текстов и их пересечения. В последних я искал преемственность и анализировал расхождения. Последняя задача — определение мотивации Еременко при создании дневника, для чего нужно ввести историографический контекст.

Пока не существует академических исследований личности Еременко и того, как он и другие военачальники писали свои мемуары. Общим местом в изучении памяти стали положения о Великой Отечественной войне как новой точке сборки советского общества, усилиях государства по унификации памяти через насаждение официального военного нарратива.⁶ В то же время активно исследуются сюжеты, связанные с локальной памятью, низовыми инициативами по коммеморации, памятью маргинальных групп.⁷ В этом контексте, а также с учетом социальной активности ветеранов войны,⁸ официальный нарратив предстает не столь жестким, и современники могли надеяться внести в него дополнения. Память о войне менялась вместе с более широкими представлениями общества о прошлом и роли личности в нем. Введение в научный оборот автобиографических текстов опровергло представления о 1930–1940-х гг. как невозможном

для ведения дневников времени, а также породило дискуссию о конструировании как в самих текстах, так и через них особой советской субъективности.⁹ Исследующие постсталинское время единодушны в том, что с годами советские граждане все сильнее подчеркивали свою личность, считали важным для истории все более персонифицированный опыт.¹⁰ Поэтому мотивация Еременко и назначение его текста могли меняться в зависимости от того, когда он писал или редактировал дневник.

Два дневника: сравнение изданий

Дневники за 1940, 1942–1943 и 1945 гг. ранее уже частично публиковались в 1994 г. в «Военно-историческом журнале» («ВИЖ»).¹¹ Внутри этих периодов часть записей, в сравнении с более поздним изданием, была опущена, часть сокращена. Публикацию готовила жена маршала Н. И. Еременко, которая, со слов их дочери, была «строгим судьей и скрупулезным редактором воспоминаний А. И. Еременко». ¹² Полным изданием дневников 2013 г. занималась уже их дочь Т. А. Еременко.

Обращение к двум изданиям показало их серьезные отличия. Одни и те же участки текста по-разному датированы, две записи могут быть объединены в одну под общим заголовком. Часть разночтений может объясняться сложностями расшифровки рукописного текста и сокращений, особенно цифр и фамилий (Попок из «ВИЖ» в 2013 г. стал Попеком, Хрулев — Хрущевым и пр.). Меняются времена глаголов, ряд выражений заменен синонимами. Общий смысл сохраняется не всегда: «авиацию противника [в районе] Шавли [Шауляй] уничтожить на аэродромах»¹³ и неуместное «авиация противника — шавки, уничтожить ее на аэродромах».¹⁴

Может показаться, что в «ВИЖ» в квадратные скобки помещены спорные для расшифровки слова либо же вписанное «по памяти»

⁵ См.: Савкина И. Я, ТЫ, МЫ: о некоторых формах адресованности в дневниках обычных советских людей // *Autobiografija*. 2019. № 8. С. 149–175.

⁶ См.: Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York, 1994; Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

⁷ См.: Davis V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero City*. London; New York, 2018; Воронина Т. *Помнить по-нашему: социалистический историзм и блокада Ленинграда*. М., 2018; Юдкина А. «Памятник без памяти»: первый вечный огонь в СССР // *Памятник и праздник. Этнография Дня Победы*. СПб., 2020. С. 124–151.

⁸ См.: Эделе М. *Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991*. М., 2023.

⁹ См.: Бойм С. Как сделана «Советская субъективность»? // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 285–296.

¹⁰ См.: Kozlov D. *The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–91* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2, № 3. P. 577–600; Jones P. 'Life as big as the ocean': *Bolshevik Biography and the Problem of Personality from Late Stalinism to Late Socialism* // *Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96, № 1. P. 144–173; Ключ А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // *Антропологический форум*. 2021. № 50. С. 169–199.

¹¹ См.: *Военно-исторический журнал*. 1994. № 3–8.

¹² Еременко Т. А. *Маршал Андрей Еременко*. М., 2017. С. 223. 13 Год 1940-й: Каунас встретил цветами // *ВИЖ*. 1994. № 3. С. 39.

¹⁴ Еременко А. И. *Дневники, записки, воспоминания*. С. 52.

с устных рассказов Еременко, а в публикации 2013 г. такие вставки не оговариваются. Но версию «ВИЖ» нельзя признать предпочтительной для использования. В ней сокращена не только тавтология, но, в ряде случаев, и не красящие Еременко моменты: о том, что «Хлебников еврей, но здорово маскируется под русского»,¹⁵ или «именно под этим Аустерлицем провел свое знаменитое сражение великий Суворов».¹⁶ Версия «ВИЖ» и политически нейтральнее: «Великий Сталин доверял мне самые трудные участки работы»¹⁷ из издания 2013 г. здесь звучит как «...партия и лично товарищ Сталин всегда оказывали мне действенную помощь».¹⁸

При этом версия «ВИЖ» содержит уникальные, отсутствующие в издании 2013 г. сведения. Например, критика подчиненного в издании 2013 г. («он человек большой воли и требовательный по службе, но грубиян»¹⁹) в «ВИЖ» продолжается еще несколько строчек.²⁰ Если личные оценки могли появиться в тексте уже на стадии публикации и принадлежать не самому Еременко, то не ясно, зачем в «ВИЖ» добавлять или в 2013 г. убирать детали вроде конкретизации в подпунктах плана военных учений в записи от 7.4.1945. Если в целом в дневнике 2013 г. текста больше, то почему в нем опущены эти сведения?

Я не рассматриваю версию о том, что оригинального текста, написанного рукой Еременко, не существует, хотя никаких фотографий рукописи не опубликовано, а редкие независимые описания физической формы дневников крайне неконкретны.²¹ Вероятно, разница между двумя изданиями объясняется не вольностями редактуры, а работой публикаторов с разными версиями созданного Еременко текста.

Три лета 1943-го: следы редактуры и аутентичности

Перед текстом издания 2013 г. располагается шмуцтитул с указанием «книга печатается в авторской редакции» и другим, чем на

форзаце, заголовком — «Дневниковые записи, воспоминания, заметки». Границы между названными элементами не обозначены. Текст состоит из 15 тетрадей, № 1–7 и 11–14 озаглавлены «Дневник», № 8 — «Калининский фронт», № 9 — «Блокнот», № 10 — «Рабочая тетрадь», № 15 — «Заметки разных времен». Авторство заголовков не оговорено, различий между тетрадями под разными заголовками нельзя выделить ни в стиле, ни в содержании.

Обращает внимание хронологическое пересечение тетрадей № 7, 8 и 9. Часть записей с 8.8.1943 по 3.2.1944 дублируются в двух тетрадях, от 14 и 22 августа — во всех трех. В тетрадях № 4 и 5 пересекаются записи от 25 и 26 апреля 1941 г. Это описание одних и тех же событий, но в разном стиле, с разной степенью подробности и с разницей в деталях вроде номеров дивизий, фамилий, должностей, времени. Также одни и те же события фиксируются в разных тетрадях, но под разными датами. Само по себе ведение записей одновременно в нескольких тетрадях, на множестве отдельных листов, даже в двух разных дневниках, нередкое явление, хотя и свойственное литературной среде.²² Однако сложно представить, что Еременко делал это на фронте.

Выбиваются из дневникового стиля разговор о текущих событиях в прошедшем времени («в этот день, т. е. 07.09.1939»,²³ «я не мог в такое время лежать в госпитале»²⁴) и прямые обращения к читателю («извините за выражение»,²⁵ «как известно»²⁶). Стиль записи может прямо указывать, что она сделана позже событий: «Эта машина была наиболее совершенна [по сравнению] со всеми машинами того времени».²⁷ Можно допустить, что часть фраз была приписана еще в годы войны, как в записи от 29.07.1942: «Р. С. Я, право, сам себе удивляюсь, откуда у меня такое большое чутье и предвидение?»²⁸ Но одна запись однозначно указывает, что для части текста фронтовые записи выступили лишь основой — «выдержку из этого донесения я тогда же записал в свой дневник»²⁹ — то есть в еще один текст, отличный от анализируемого дневника.

Необъяснимые для дневника вещи происходят с датами. В обеих пересекающихся

¹⁵ Там же. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 254.

¹⁷ Там же. С. 237.

¹⁸ Год 1945-й: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены...» (Из дневника Маршала Советского Союза А. И. Еременко) // ВИЖ. 1994. № 7. С. 19.

¹⁹ Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 300.

²⁰ Год 1945-й: «Я приказал наказать этих генералов» // ВИЖ. 1994. № 8. С. 23. См. также уникальную оценку комфронта Ф. И. Голикова: «Один день "съел" два месяца и принес много жертв» // ВИЖ. 1994. № 5. С. 23.

²¹ «В шкафу его дневники <...> В толстых пожелтевших от времени тетрадях...». См.: Воспоминания о маршале Еременко // Российская газета. 2005. 25 февр. URL: <https://rg.ru/2005/02/25/eremenko.html> (дата обращения: 09.01.2024).

²² См.: Михеев М. Указ. соч. С. 78.

²³ Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 19.

²⁴ Там же. С. 113.

²⁵ Там же. С. 30.

²⁶ Там же. С. 168.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 119.

²⁹ Там же. С. 182.

тетрадах, № 7 и 9, Смоленск освободили на пять дней раньше официально утвержденной даты. Это несоответствие отмечено издателями, как и то, что Еременко был в кабинете Сталина в Кремле 4 и 5 августа 1942 г., а в дневнике эти события сдвинуты по времени и растянуты с 30 июля по 2 августа, внося путаницу в последовательность: видимо, запись за 3.8 иначе рассказывает о днях, уже расписанных в записях за 30.7 и 1.8.

Есть в обоих изданиях дневника и анахронизм, когда на Курск в записи от 08.07.1943 наступают «Королевские тигры»,³⁰ до появления которых на фронте оставалось больше года. Не меньше обескураживает запись в дневнике от 21.03.1945: «...смотри мои воспоминания о Брянском фронте».³¹ Первая книга, в которой Еременко рассказал про окружение этого фронта в октябре 1941 г., вышла в 1959 г. Дневниковых записей, которые могли бы иметься в виду, за этот период нет.

Аутентичных черт, свидетельствующих о существовании фронтовых записей как основы всех версий дневника, не так много. Фразы вроде «уже восемь дней не пишу ни строчки в свой дневник»³² могут быть намеренной стилизацией.³³ Более убедительны мелкие, незначительные для военной истории и косвенного адресата мемуаров, детали и рефлексия: кто «конферансировал» на концерте,³⁴ впечатления от игры актеров театра,³⁵ рецензия на фильм о Пархоменко.³⁶ Сюда же относится информация, которую тяжело пронести в памяти сквозь годы: о самочувствии в тот или иной день, подробности утиной охоты.³⁷ Таких деталей, отсутствующих в мемуарах, в дневнике достаточно много.

Стилистически наиболее аутентичны записи тетрадей № 12, 13 и часть 11-й о боях в Чехословакии. Они самые объемные в дневнике, события расписаны по часам, приводится больше, чем в любых других тетрадях, точных данных, но также даны диалоги, характеристики командного состава, мысли автора. Язык, в отличие от прочих тетрадей, брутализируется («долбать», «сволочи»). Но в продолжающейся

рассказывать о тех же событиях тетради 14 все меняется на типичную для мемуаров высокую патетику, занимающие половину объема цитаты из документов при максимально кратком описании самих боевых действий.

Семь встреч со Сталиным: дневник и мемуары

Логично предположить, что Еременко использовал аутентичный дневник для работы над воспоминаниями. Но в них источниками называются оставшиеся в «несовершенной памяти» «зарубки»³⁸ и, главным образом, документы: просмотренные в архиве после войны, сделанные на фронте записи адъютанта,³⁹ собранные во время войны бумаги для домашнего архива.⁴⁰ Дневник упоминается только один раз, в последней подготовленной при жизни Еременко книге.⁴¹

Если мемуары охватывают всю войну, то дневники вовсе не касаются или скупо освещают крупные периоды: июнь 1941 — февраль 1942 г., ключевой для Еременко Сталинград, освобождение Крыма. Генеалогию текстов это не проясняет: главы мемуаров о событиях, не обеспеченных дневниками, написаны с не меньшим числом подробностей, чем прочие.

Уникальных сюжетов в дневниках мало: о пребывании в госпитале в 1942 г., несколько записей за послевоенный период, известный конфликт Еременко с И. П. Ганенко и М. Г. Ефремовым в сентябре 1941 г.⁴² Также последние месяцы войны в дневнике изложены гораздо детальнее, чем в любом издании мемуаров. Дневник, безусловно, подробнее в оценках других людей и сведениях, нежелательных в советском военном нарративе. Так, резкие замечания о «дворцах» и личной ферме командарма К. Д. Голубева из дневника⁴³ в мемуарах сглаживаются до эвфемизма.⁴⁴ В то же время ряд сюжетов есть только в мемуарах, например о строительстве дорог для фронта.⁴⁵

³⁸ Еременко А. И. В начале войны. М., 1964. С. 226; Он же. Годы возмездия. Боевыми дорогами от Керчи до Праги. М., 2009. С. 340 (здесь же см. размышления Еременко о важности личных свидетельств для истории войны на с. 340–342).

³⁹ См.: Еременко А. И. Сталинград. М., 2013. С. 232.

⁴⁰ См.: Еременко А. И. В начале войны. Воспоминания маршала Советского Союза. М., 2006. С. 281, 594.

⁴¹ «Свободное время от процедур использовал для упорядочивания дневниковых записей» (Еременко А. И. Помни войну. Донецк, 1971. С. 231).

⁴² См.: Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 107–109.

⁴³ См.: Там же. С. 149, 153, 171, 189, 190.

⁴⁴ См.: Еременко А. И. Годы возмездия. Боевыми дорогами... С. 31.

⁴⁵ См.: Там же. С. 54.

³⁰ Там же. С. 156.

³¹ Там же. С. 236.

³² Там же. С. 83, 154, 347.

³³ См. текст И. А. Серова, который полон таких фраз и совершенно точно не является дневником: Серов И. А. Записки из чемодана. М., 2016.

³⁴ См.: Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 93.

³⁵ См.: Там же. С. 237.

³⁶ См.: Там же. С. 117, 118.

³⁷ См.: Там же. С. 89, 98.

Сравнить пересечения дневника и мемуаров стоит на примере важного для Еременко эпизода — поездки Сталина в прифронтовой район в августе 1943 г. Первое краткое описание этого события появилось еще при жизни вождя в 1952 г.⁴⁶ В конце 1960-х гг. были опубликованы две развернутые редакции,⁴⁷ уже в наши дни — без цензурных изъятий.⁴⁸ В 1993 г. в «ВИЖ» была опубликована отдельная версия, дата ее создания не ясна.⁴⁹ Вместе с дневником 2013 г. существуют семь вариантов рассказа.

В них одинаковы набор и последовательность событий, но каждый раз, даже когда тексты должны быть генетически связаны, меняются структура предложений и мелкие детали. Нужно подчеркнуть, что только ряд разночтений вызван политической конъюнктурой. Так, в «Годах возмездия» и «Помни войну» Сталин звонит Еременко в ночь на 2 августа, в «ВИЖ» «в одну из ночей», в дневнике — в ночь на 5 августа.⁵⁰ Меняются псевдонимы Еременко и Сталина: Иваненко и Иванов («Годы Возмездия»), Иваненко и Васильев («Помни войну»), Иванов и Семенов («ВИЖ» и дневник), Степанов («Служба Родине»). В статье 1952 г. Еременко встречает Л. П. Берия, и в этом она правдивее остальных:⁵¹ в дневнике вместо него «генерал», в «Годах возмездия» — «молодцеватого вида генерал-майор в форме пограничных войск», в «Помни войну» он представляется Зубаревым. В очерке из «ВИЖ» и дневнике Сталин приветствует Еременко, делая ударение на первом «е», в расширенных «Годах возмездия» — «как всегда» на третьем «е». Говоря про репрессии в армии, в расширенных «Годах возмездия» Сталин «назвал несколько фамилий», в «ВИЖ» они стали Ворошиловым, Буденным и Тимошенко, в дневнике Тимошенко сменился на Мехлиса. В пяти вариантах представлен набор усиления, которые Сталин обещает дать фронту. Очевидно, что описание этой встречи в дневнике не яв-

ляется ни источником фактов для других текстов, ни самым подробным или точным вариантом этого рассказа.

*Три десятилетия:
время и контекст создания дневника*

А. И. Еременко, с его слов, начал работать над воспоминаниями еще в годы войны. Однако его ранних текстов, кроме нескольких статей, исследователям неизвестно. Возможно, что под мемуарами он подразумевал фронтовые дневниковые записи. Книги Еременко выходили только с конца 1950-х гг. Порядок их появления свидетельствует, что автор одновременно работал над текстами о разных периодах войны, возвращался к редактуре уже написанного для дополненных изданий. Судя по разнице в деталях в различных публикациях, в процессе Еременко создавал большое количество вариантов описания одних и тех же событий. Можно предположить, что тогда же появились и доступные нам сегодня дневниковые записи, некоторые — в нескольких редакциях.

Хронологическими маркерами могут служить характеристики, данные в дневнике другим людям. Часть из них нужно признать аутентичными, восходящими к военному либо раннему послевоенному времени. Во-первых, это Сталин, чаще всего называемый «великим». Критические высказывания⁵² о нем связаны, видимо, не с разоблачениями XX съезда, а с личной обидой из-за завершения Сталинградской битвы, и со временем вождь в дневнике вновь становится главным творцом победы.⁵³ Берия нейтрально упоминается на страницах дневника чаще, чем в мемуарах: на заседании ГКО он, а не «кто-то из присутствующих»⁵⁴ подает реплику о хромоте Еременко, летит с ним в Крым в тетради № 7 (но не в дублирующей записи из тетради № 9).

Оценки Г. К. Жукова в дневнике всегда негативные, что также аутентично отражает мысли Еременко военного времени. Но в записи от 04.07.1941 говорится о его неспособности «подняться до государственного деятеля».⁵⁵ Эта деталь, кажется, более уместна уже для хрущевского времени, когда Жуков был министром обороны. Сам Хрущев в дневнике в одном эпизоде получает оценку «лицемер»,⁵⁶

⁴⁶ См.: Еременко А. И. История первого салюта // Огонек. 1952. № 8. С. 3.

⁴⁷ См.: Еременко А. И. Годы возмездия. М., 1969. С. 45–48; Он же. Помни войну. С. 235–238.

⁴⁸ См.: Еременко А. И. Годы возмездия. Боевыми дорогами. С. 69–97; Он же. Служба Родине. 1941–1945. М., 2015. С. 171–177.

⁴⁹ См.: Еременко А. И. Смоленские ворота в Европу // ВИЖ. 1993. № 12. С. 6–12.

⁵⁰ Расхождения в цифрах и датах между дневником и мемуарами носят тотальный характер, полностью они совпадают только в 11-й тетради дневника.

⁵¹ См.: Зуев В. А. Правда и выдумки о поездке Верховного на фронт // Независимое военное обозрение. URL: https://nvo.ng.ru/history/2018-08-03/1_1007_evidence.html (дата обращения: 09.01.2024).

⁵² См.: Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 140, 218.

⁵³ См.: Там же. С. 235, 281, 328.

⁵⁴ Еременко А. И. Сталинград. С. 27.

⁵⁵ Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 95.

⁵⁶ Там же. С. 135.

а в другом удаётся стилистически неуместного панегирика.⁵⁷ Хотя последняя запись не лишена аутентичных деталей, оформлять ее в таком виде до середины 1950-х гг. или после отставки Хрущева в 1964 г. не было никакого смысла. Во второй половине 1960-х гг. в мемуарах Никита Сергеевич превратился в «сопровождаящие товарищи»⁵⁸ — тем удивительнее, что в другом эпизоде, когда Сталин приказал Еременко инициировать вывод Хрущева из военного совета Сталинградского фронта, в мемуарах генерал открыто его защищает,⁵⁹ а в дневнике правдоподобнее — тихо саботирует распоряжение.⁶⁰

Таким образом, восхваления Сталина и упоминания Берии могут свидетельствовать о нижней хронологической границе ряда записей дневника до 1953 г. Панегирик Хрущеву и отсутствие восхвалений Л. И. Брежнева указывают на первую половину 1960-х гг. как на верхнюю границу. Очевидно, что разные записи дневника (в том виде, в котором он опубликован) писались или редактировались в разное время. При этом они не обязательно играли роль только черновиков для воспоминаний. Дневник Еременко можно рассматривать как отдельное произведение, принявшее свою незаконченную, но финальную форму в эпоху оттепели.

Для чего Еременко работал над дневником и, судя по шумцитулу, готовил его к печати? Нельзя не заметить, как мало в тексте личного. Ничего не написано о судьбе встретившей войну в Вильнюсе семьи, о погибшем в партизанском отряде брате, об отношениях на фронте с будущей женой.⁶¹ Лишь в одном месте сухо сообщается о смерти мужа дочери.⁶² Все действия и мысли, даже в случае рецензии на фильм, принадлежат военачальнику. Этот дневник — не способ разговора о приватном. Еременко подтверждает это в записи от 04.11.42: «За три месяца я не записывал в дневник ни одной строчки... Мой Сталинградский дневник можно легко проследить по таким документам, как журнал боевых действий тех фронтов, которыми я командовал, и по боевым донесениям, которые я ежедневно посылал к исходу суток Верховному Главноком-

андующему». На первом плане для него стоит правдивость в описании профессиональной деятельности, а не личная перспектива.

Известны случаи, когда дневник мог задушеваться как намеренно незаконченное произведение, претендующее на большую искренность и документальность, чем завершённые тексты.⁶³ Такой замысел вполне соответствует духу оттепели с ее предпочтением фактов нарративу, когда дневник как форма повествования выдвинулся в советской литературе на первый план, утверждая ценность и самостоятельность отдельного человека.⁶⁴ Также исследователи показывают, что категории искренности и подлинности,⁶⁵ равно как и идея героической личности в советской истории,⁶⁶ пришли в 1960-е гг. из близких Еременко 1920-х и 1930-х гг.⁶⁷ Влияние культуры может объяснять и то, почему со второй половины 1960-х гг., когда оттепель сменилась первыми заморозками, Еременко сосредоточился на мемуарах, предпочтя доработке дневника для печати закончить его самую личную, но написанную в проверенном жанре воспоминаний книгу «Помни войну».

Таким образом, записи Еременко, изданные в двух версиях, 1994 и 2013 гг., нельзя назвать дневником в том смысле, что записи сделаны вскоре после событий и не несут в себе черты поздней рефлексии и переработки. Это сложный по составу и генезису текст, разные части которого были созданы и/или отредактированы в разное время. Все его варианты следует рассматривать не как фронтовые записи, а как сделанные частично на их основе черновые заметки либо для статей и мемуаров, либо для издания дневников отдельной книгой. Лишь в ряде моментов дневники информативнее мемуаров, а в точности фактов и аутентичности оценок определенно не могут автоматически ставиться выше них.

Однако дневник не является бесполезной для историков мистификацией. При сопоставлении с другими текстами Еременко он позволяет заглянуть в творческую лабораторию одного из первых советских военных

⁵⁷ См.: Там же. С. 240.

⁵⁸ Еременко А. И. Годы возмездия. Боевыми дорогами. С. 764.

⁵⁹ См.: Там же. С. 16, 17.

⁶⁰ См.: Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 132.

⁶¹ См.: Еременко Т. А. Указ. соч. С. 41, 222.

⁶² См.: Еременко А. И. Дневники, записки, воспоминания. С. 112.

⁶³ См.: Михеев М. Указ. соч. С. 114.

⁶⁴ См.: Пинский А. Дневниковая форма и субъективность в хрущевскую эпоху // После Сталина. Позднесоветская субъективность. СПб., 2018. С. 145, 164, 165.

⁶⁵ См.: Clark K. "Wait for Me and I Shall Return": The Early Thaw as a Reprise of Late Thirties Culture? // The Thaw: Soviet Society and Culture in the 1950s and 1960s, Toronto, 2013. P. 85–108.

⁶⁶ См.: Jones P. Op. cit. P. 148.

⁶⁷ См.: Clark K. Op. cit. P. 85–108.

мемуаристов, что может помочь изучить процесс подготовки воспоминаний и других военачальников. В последние годы, помимо опубликованных без купюр текстов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, Н. Г. Кузнецова и других стали более доступны материалы их личных архивов: записные книжки, письма, варианты рукописей. С их помощью представляется важным исследовать, в каких культурных и социальных условиях создавались мемуары генералов, как с их помощью поддерживался официальный военный нарратив и, напротив, в какой мере мемуаристы могли влиять на культуру памяти о войне.

В самих дневниках Еременко интересны не только свидетельства приспособления ав-

тора к политической конъюнктуре и тактики создания наилучшей версии себя в прошлом. В них можно изучать и поиск приемлемого для цензуры способа говорить о войне, и проработку травмы недостаточного, по мнению Еременко, признания его военных заслуг. Наконец, выбор дневника как литературной формы, необычной для генеральской мемуаристики, важно поместить в контекст изменений представлений о личности и ее роли в истории в 1950–1960-х гг. Таким образом, отказывая дневникам Еременко в полной аутентичности, я через реконтекстуализацию утверждаю их ценность в рамках иной, чем изучение самой войны, исследовательской программы.

Artem V. Latyshev

PhD, HSE University (Russia, Moscow)

E-mail: alatyshev@hse.ru

THE AUTHENTICITY OF THE DIARIES OF GENERAL A. I. YERYOMENKO AND THEIR CONNECTION WITH HIS MEMOIRS

The article analyzes the frontline diaries of the Soviet general during the Second World War A. I. Yeryomenko. It aims at providing a critical review of this text as a historical source. A comparison is made of the complete 2013 edition of the diary with the partial 1994 edition, and a conclusion is drawn about a serious difference between these texts, which is only partially explained by the publishers' different approaches. The features of a non-diariness in the form and style of the 2013 text are shown: the presence of several versions of the same entry, direct appeals to the reader, the use of the past tense, errors in dates, obvious anachronism in mentioning the battle of Kursk. The evidence is summarized that the text of the entire diary or part of it is based on authentic frontline records. The connections between Yeryomenko's diaries and memoirs are analyzed. Using the example of I. V. Stalin's visit to the front, it is shown that the diary is only one of seven editions of the story created by Yeryomenko in different years, which is neither the most accurate nor the most complete of them. Based on the diary's assessments of other people, it is concluded that its text was created over a fairly long period of time, from the early 1950s to the mid-1960s. Possible purposes of the author's creation of the diary text in the context of the Thaw era are given.

Keywords: *World War II, A. I. Yeryomenko, diary, memoirs, Thaw*

REFERENCES

- Bogomolov N. [Diaries in Twentieth-Century Russian Culture: Twenty-Five Years Later]. *Avtobiografiya*, 2019, no. 8, pp. 85–96. (in Russ.).
- Boym S. [How Is the Soviet Subjectivity Made?]. *Ab Imperio*, 2002, no. 3, pp. 285–296. (in Russ.).
- Clark K. "Wait for Me and I Shall Return": The Early Thaw as a Reprise of Late Thirties Culture? *The Thaw: Soviet Society and Culture in the 1950s and 1960s*. Toronto: University of Toronto Press, 2013, pp. 85–108. (in English).
- Davis V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero City*. London; New York: I. B. Tauris, 2018. (in English).
- Edele M. *Sovetskiye veterany Vtoroy mirovoy voyny: narodnoye dvizheniye v avtoritarnom gosudarstve, 1941–1991* [Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian State, 1941–1991]. Moscow: NLO Publ., 2023. (in Russ.).
- Jones P. 'Life as big as the ocean': Bolshevik Biography and the Problem of Personality from Late Stalinism to Late Socialism. *Slavonic and East European Review*, 2018, vol. 96, no. 1, pp. 144–173. (in English).

- Klots A., Romashova M. ["Are You Living History?" — The Soviet Person and the Quiet Archival Revolution of Late Socialism]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2021, no. 50, pp. 169–199. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-169-199 (in Russ.).
- Kozlov D. The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–91. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2001, vol. 2, no. 3, pp. 577–600. DOI: 10.1353/kri.2008.0097 (in English).
- Mikheev M. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an Ego-Text (Russia, 19th–20th)]. Moscow: Vodoley Publishers, 2007. (in Russ.).
- Pinsky A. [Diary Form and Subjectivity in the Khrushchev Era]. *Posle Stalina. Pozdnesovetskaya sub"yektivnost'* [After Stalin. Late Soviet Subjectivity]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2018. (in Russ.).
- Savkina I. [You, We and I: Addressivity in the Diaries of Ordinary Soviet Citizens]. *Autobiografiya*, 2019, no. 8, pp. 149–175. (in Russ.).
- Serov I. A. *Zapiski iz chemodana* [Notes from a Suitcase]. Moscow: Prosveshcheniye-Soyuz Publ., 2016. (in Russ.).
- Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books of HarperCollins, 1994. (in English).
- Voronina T. *Pomnit' po-nashemu: sotsrealisticheskij istorizm i blokada Leningrada* [Remember Our Way: Socialist Realist Historicism and the Siege of Leningrad]. Moscow: NLO Publ., 2018. (in Russ.).
- Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. (in English).
- Yudkina A. ["Monument without Memory": The First Eternal Flame in the USSR]. *Pamyatnik i prazdnik. Etnografiya Dnya Pobedy* [Monument and Holiday. Ethnography of Victory Day]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 124–151. (in Russ.).
- Zuev V. A. [Truth and Fiction about the Supreme Commander's Trip to the Front]. *Nezavisimoye voyennoye obozreniye* [Independent Military Review]. Available at: https://nvo.ng.ru/history/2018-08-03/1_1007_evidence.html (accessed: 09.01.2024). (in Russ.).

Для цитирования: Латышев А. В. Аутентичность дневников генерала А. И. Еременко и их связь с его мемуарами // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 134–141. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-134-141.

For citation: Latyshev A. V. The Authenticity of the Diaries of General A. I. Yeryomenko and Their Connection with His Memoirs // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 134–141. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-134-141.